

Б.Н. Зикириллаев

Особенности жанра макамы в творчестве Сухбата Афлатуни

В статье рассматриваются особенности поэтики и стиля современного писателя Сухбата Афлатуни на примере его макамы «Год барана». С помощью метода компаративистики автор анализирует эту макаму и предпринимает попытку раскрыть специфику творчества русских писателей Узбекистана.

The article dwells on the features of the modern writer Sukhbat Aflatuni's poetics and style illustrated through the example of his maqama «The Year of the Ram». The author analyses the maqama «The Year of the Ram» using the comparative method and makes an attempt to reveal the creative specifics of Russian writers of Uzbekistan.

Ключевые слова: русская литература Узбекистана; макама; новелла; биментальность.

Keywords: Russian literature of Uzbekistan; maqama; short story; bimentality.

Современный поэт и прозаик Евгений Абдуллаев (Сухбат Афлатуни) в своём творчестве обращается к различным экзотическим жанрам художественной литературы. Среди повестей, эссе и романов автора ярко выделяется его относительно позднее произведение «Год барана», написанное в жанре «макамы». Напомним, что макама — жанр средневековой арабской прозы, повествующий о жизни талантливых плутов и мошенников. Героем макамы является образованный бродяга, который слоняется по городам и посёлкам халифата и добывает себе пропитание хитроумными проделками, где проявляется его необыкновенная находчивость и литературная одарённость. Жизненная основа этого персонажа восходит к распространённой в средневековых городах фигуре нищего литератора, плутовские проделки и остроумие которого стали сюжетом множества анекдотов. Основателем данного жанра принято считать Бадуззамона аль-Хамадани (970–1007), который создал более 400 текстов в жанре макамы. Своё развитие жанр получил в творчестве аль-Харири, перу которого принадлежат 50 макам. После этих двух корифеев арабской словесности к макамам обращались многие арабские, персидские, еврейские и египетские поэты, но все они имеют подражательный характер. В современной персидской и арабской литературе внимание этому жанру практически не уделяется. Макама не разработана и в европейской литературе. Исследования некоторых учёных обнаруживают влияние этого жанра на европейский плутовской роман.

Существует предположение, что макама возникла под влиянием античного жанра меннипеи, поскольку в обоих этих жанрах присутствуют следующие особенности:

- смешение высокого и низкого, серьёзного и комического, и вообще, по выражению М.М. Бахтина, «сближение далёкого и разъединённого, мезальянсы всякого рода» [4: с. 182];
- использование макаронического языка, резкая смена интонации, стиля и точек зрения, чередование поэзии и прозы;
- провокативное испытание общепризнанных истин, жанровых условностей и речевой иерархии;
- полное освобождение от авторитета предания или требований правдоподобия, свобода вымысла, приобретающего чаще всего авантюрно-приключенческий или фантастический характер;
- частое обращение к аллегории, склонность к смешению сущностей с разным онтологическим статусом;
- использование вставных жанров: новелл, писем, ораторских речей, стихотворной речи;
- изображение в качестве центрального персонажа странствующего мудреца или поэта, зачастую нищенствующего и от случая к случаю зарабатывающего на жизнь смекалкой и красноречием, вступающего в споры на базарных площадях, на больших дорогах, в тавернах, банях, на палубах кораблей [7: с. 47].

Макамы имеют схожие черты и с европейской новеллистикой. Так, «Год барана» Сухбата Афлатуни, отвечая канонам жанра макамы, имеет ряд параллелей с «Декамероном» Дж. Боккаччо. Как и в бессмертном литературном шедевре, главных персонажей Афлатуни вокруг костра собирает беда, только она рядится не в чуму общенародного масштаба, а оборачивается поломкой автомашины «Нексия», направлявшейся из Бухары в Ургенч.

Отметим, что термин «макама» происходит от арабского слова *مقام*, в переводе означает «сеанс», «собеседование», «стоянка», «место остановки», «беседа на собраниях». Именно на последние смысловые категории ориентируется Афлатуни, так как основная сюжетная линия его макамы базируется на остановке — стоянке попутчиков у костра.

Классическая арабская литература, в недрах которой зародились макамы, не имела драматургических жанров в сегодняшнем понимании. Арабисты-литературоведы обнаруживают черты драмы именно в макамах, коротких драматизированных произведениях, написанных рифмованной прозой. Ориентированные на фольклор, как по форме, так и по содержанию, макамы не были доступны простому человеку [5: с. 154]. «Стихию просторечия» в ней сдерживали «изысканная аристократичность выражений и ощущение снисходительного отношения к описываемым событиям, что достигается средствами мягкого юмора, пронизывающего изящный, как паутина, рассказ»¹. По утверждению востоковеда А. Меца, макамы были «литературой для риториков, а связность изложения для них не играла никакой роли. Они ценили только

¹ Грюнебаум Г. Основные черты арабо-мусульманской культуры. М.: Наука, 1981. С. 99; цит. по: [5: с. 154].

риторические ракеты, которые одна за другой взлетали из мрака “действия”» [6: с. 240].

Отдельный рассказ каждого персонажа макамы Афлатуни создаёт в итоге метатекст, однако в «Годе барана» рассказчики, во-первых, повествуют о своей жизни, во-вторых, все микротексты взаимосвязаны не только тематически, как в «Декамероне», но и судьбами главных персонажей. Героиня, названная Принцессой, приехавшая вслед за мужем в Москву, находит приют у русской женщины, которая доводится матерью другому пассажиру «Нексии» — Москвичу. А третий персонаж — Тельман Ким — был знаком с другом Москвича Кучкаром, который, в свою очередь, знал Принцессу, причём Ким писал статью про неё. Таким образом, С. Афлатуни вносит в своё произведение мотив рока, взаимосвязанности человеческих судеб. Эта тенденция, так называемый «эффект бабочки», является одной из основных тем творчества автора.

Для сравнения можно проследить эту тему в другом произведении Афлатуни «Ташкентский роман». Практически все образы: Лаги, Юсуф, отец Лаги, профессор Блютнер, Рафаэль, Артурик Афлатулин, Султан, фрау Марта — имеют точки соприкосновения. Так, профессор Блютнер, которому ассистировал Юсуф в степях Казахстана, в годы войны был знаком с отцом Лаги, более того, обнаруживается, что он был причастен к смерти Луизы — матери Лаги. Фрау Марта — жена профессора Блютнера — стала одним из близких друзей Султана. Рафаэль — один из трёх мужчин в жизни Лаги — уехал в Израиль, где и умер. Третий и последний мужчина Лаги, Артурик тоже оказался в Израиле, приехав туда на похороны своего друга Рафаэля. Артурик Афлатулин, как и Юсуф, был лично знаком с профессором Блютнером. Таким образом, вырастает своеобразное древо судеб, стволом которого можно назвать жизнь Лаги, а ветками — жизненные пути отдельных персонажей. При этом каждая ветка, будучи в непосредственной связи с главной сюжетной линией, не знает о существовании другой аналогичной ветки. Писатель намеренно связывает судьбы своих персонажей, для того чтобы показать, что жизнь каждого человека не случайна, что судьба — это закономерность и всё в этом мире подчиняется некой программе, которую люди называют по-разному: предопределение, рок, теснота мира, эффект бабочки...

Структура макамы «Год барана» несколько отличается от классического жанра ещё и тем, что рассказы персонажей выстраиваются не сразу, а обрывками, дополняя друг друга. Такой плавный переход из одного рассказа в другой очень напоминает форму «потока сознания». В отличие от других произведений писателя, где образ Ташкента играет центральную роль, события в макеме происходят, в основном, в Москве, Самарканде, Бухаре. Ташкент же, на наш взгляд, является периферийным локусом.

В роли центрального персонажа выступает Тельман Ким, он связывает отдельные микротексты с основной сюжетной линией, поскольку знает каждого рассказчика непосредственно или косвенно. Профессия журналиста

наделяет его красноречием, также необходимым качеством героя классической макамы. С главными персонажами макама аль-Хамадани — Абуль-Фатхом аль-Искандарани и Абу Зайдом из макама аль-Харири — Тельмана Кима сближают такие качества, как умение влиять на окружающих искусством слова, хитрость, изворотливость, низкий уровень благосостояния. Но если Абуль-Фатх — предприимчивый, ловкий, наглый и беззаботный бродяга, а в характере Абу Зайда сочетаются ловкость плута, доброта и великодушные народного героя, то Тельман Ким представляет собой разновидность трикстера: он неполноценный мужчина (был подвергнут кастрации по настоянию своего школьного учителя, который хотел таким образом продлить жизнь детскому голосу). Тельман не вызывает восхищения у окружающих (в отличие от Абуль-Фатха и Абу Зайда); при изображении действий и поступков главного героя отсутствует авторская симпатия, что признаётся концептуальным в классической макаме.

Однако анализ произведения в контексте всего творчества Афлатуни показывает, что во многих его сочинениях главным, правда несколько завуалированным, образом является женщина: в «Ташкентском романе» — Лаги, в «Гареме» — Арахна, а в «Годе барана» — Принцесса. Эти три образа имеют следующие общие черты:

1) загадочное, нетипичное для места обитания, мифологизированное имя, необходимое, вероятно, для того, чтобы указать на билингвальный, биментальный статус персонажа, который генетически связан с пограничьем восточной и русской культур;

2) неполноценность (с точки зрения обывателя), несчастная супружеская жизнь;

3) симпатия автора, выраженная в ласкательном имени Лаги, в наделении Арахны детским заиканием, а также в имени героини макамы — статусном именовании: принцесса.

Отдельно надо сказать о второй черте — об ущербности, неполноценности, заложенных в структуру художественных образов Афлатуни. Например, в повести «Гарем» главный персонаж Иоан Аркадьевич предстаёт с усечённым именем (отсутствует вторая буква -н-), в туфлях со стоптанными каблуками, в которых его рост равен 171 см, с редкими и пегими волосами, да и жёны его ему под стать — одноглазая Гуля, калека Зоя, Первая Жена, «уже не помнящая ничего из своей биографии, а только фильмы», «иглотерапевт Зухра со своими ржавыми иглами» [2: с. 1]. В «Годе барана» им вторят Тельман Ким, ставший бесплодным (в прямом, физиологическом смысле) ради «искусства»; Принцесса, стерилизованная где-то в Намангане — по случайности, для плана; Москвич, не удостоенный автором имени, как и Принцесса, и не имеющий ни семьи, ни детей.

Другой, не менее важной деталью в макаме является образ потерянного детства. Все персонажи произведения имеют несчастную судьбу: Тельман,

Принцесса, Москвич, водитель — были лишены счастливого детства в силу различных обстоятельств.

Биментальность автора проявляется на протяжении всего произведения. Он, словно переводчик между двумя культурами, транслирует русскому читателю восточные реалии. Наиболее характерен образ дерева джиды, которое растёт в Москве и становится спасательным кругом для Принцессы на чужбине: «Эту джиду она стала иногда поливать, хотя на неё смотрели, в Москве местные жители деревья не поливают» [2: с. 46]. Джиды заинтересовала Тельмана в качестве материала для статьи: «Проводил взглядом женщину с коляской, посмотрел: джиды. Надо же, дерево-мигрант» [1: с. 78]. Этот мотив встречается и в другом произведении С. Афлатуни — «Поклонение волхвов»: «<...> перебирая косточки джиды <...> на каждой косточке десять белых бороздок каждая бороздка буква “алиф” с которой начинается имя Аллаха милостивого и милосердного от каждой косточки прочитанная молитва умножается в десять раз» [3: 2012, № 4]. Так джиды становятся сакральным, национальным деревом в творчестве русского писателя, персонажами прозы которого являются жители Узбекистана.

Вставные рассказы-притчи об Ануширване носят иронический характер и введены, очевидно, для придания произведению колорита восточной экзотики. Высмеивая Маздака, который основал новое философское учение, автор выразил сомнение в целесообразности подобной «мудрости» в век высоких информационных технологий. Трансформация финала притчи о трёх сыновьях Ануширвана не случайна. Восточная притча не вписывается в современную действительность, и потому власть Ануширвана унаследует не умный, не сильный и даже не глупый из его сыновей, а лстивый «мудрец». Так философская тема дополняет идейно-смысловой пласт произведения.

Макама «Год барана» С. Афлатуни на сегодняшний день одно из популярных и читаемых произведений современной русской литературы. Обращение к древнему и сложному жанру могло быть вызвано изменением общественно-политического уклада жизни, что сходно с периодом возникновения макамы в арабской литературе — как реакции на распад халифата. Писатель при создании макамы чётко придерживается канонов жанра, дополняя её актуальными темами современности и художественными новшествами в сюжетной линии.

Библиографический список

Источники

1. Афлатуни С. Гарем // Октябрь. 2004. № 12. С. 67–93.
2. Афлатуни С. Год барана // Дружба народов. 2011. № 1. С. 40–96.
3. Афлатуни С. Поклонение волхвов // Октябрь. 2010. № 1. С. 3–60; № 2. С. 3–55; 2012. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/4/a2.html>.

Литература

4. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. литература, 1972. 464 с.

5. Гусейнова Д.А. Актёр или сказитель? Формообразующие принципы устного народного творчества на Арабском Востоке // Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции / Ред. и сост. П.Р. Гамзатовой. М.: КомКнига, 2007. С. 146–161.

6. Мец А. Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса. М.: ВиМ, 1996. 544 с.

7. Парижский С.Г. Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII–XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб.: РАН, Ин-т восточных рукописей, 2011. 176 с.

References

Istochniki

1. Aflatuni S. Gareme // Oktyabr'. 2004. № 12. S. 67–93.
2. Aflatuni S. God barana // Druzhba narodov. 2011. № 1. S. 40–96.
3. Aflatuni S. Poklonenie volxvov // Oktyabr'. 2010. № 1. S. 3–60; № 2. S. 3–55; 2012. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/4/a2.html>.

Literatura

4. Baxtin M.M. Problemy' poe'tiki Dostoevskogo. M.: Xudozh. literatura, 1972. 464 s.

5. Gusejnova D.A. Aktyor ili skazitel'? Formoobrazuyushhie principy' ustnogo narodnogo tvorchestva na Arabskom Vostoke // Narodnoe tvorchestvo stran Vostoka: Struktura, xudozhestvenny'e osobennosti, definicii / Red. i sost. P.R. Gamzatovoj. M.: KomKniga, 2007. S. 146–161.

6. Mecz A. Musul'manskij Renessans / Per. s nem., predisl., bibliogr. i ukazatel' D.E. Bertel'sa. M.: ViM, 1996. 544 s.

7. Parizhskij S.G. Sootnoshenie poe'zii i prozy' v makamax na ivrite XII–XIII vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. SPb.: RAN, In-t vostochny'x rukopisej, 2011. 176 s.